

УДК 93/908

ДУХОВНЫЕ СЕМИНАРИИ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОГО РЕГИОНА В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг.

ФУРСОВ Владимир Николаевич,доктор исторических наук, профессор кафедры истории России,
Воронежский государственный педагогический университет;**ЛЕДОВСКИХ Елена Александровна,**

научный сотрудник,

ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия им. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»

АННОТАЦИЯ. В статье на примере Центрально-Черноземного региона рассматривается революционная деятельность учащихся духовных школ, раскрываются причины появления в семинарской среде радикально настроенных лиц, показываются недостатки в системе духовного образования и воспитания в Российской империи в конце XIX – начале XX вв.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Русская православная церковь, духовная семинария, революция 1905–1907 гг., духовенство, семинаристы, дети духовенства, протест.

CENTRAL BLACK EARTH REGION THEOLOGICAL SEMINARIES DURING THE REVOLUTION OF 1905-1907

Fursov V.N.,Dr. Hist. Sci., Professor of the Department of Russian History,
Voronezh State Pedagogical University;**Ledovskikh E.A.,**

Research Fellow of Air Force Education and Research Center «The Zhukovsky and Gagarin Air Force Academy» (Voronezh)

ABSTRACT. The article examines the revolutionary activity of students of theological schools using the example of the Central Black Earth region, reveals the reasons for the appearance of radical-minded people in the seminar environment, shows the shortcomings in the system of spiritual education and upbringing in the Russian Empire in the late 19th - early 20th centuries.

KEY WORDS: Russian Orthodox Church, theological seminary, Revolution of 1905–1907, clergy, seminarians, children of the clergy, protest.

Проблема духовного образования и воспитания в условиях непрекращающейся критики православной церкви со стороны общественности не утратила своей актуальности. Она уходит корнями в начало XX в., когда вопрос о реформировании системы духовного образования стоял особенно остро в связи с кризисом в Русской православной церкви (далее – РПЦ) и изменениями в общественной и политической жизни страны.

В 1905 г. в крупных городах Российской империи начались забастовки и волнения рабочих, которые быстро распространились на периферию и переросли в революционное движение, затронувшее все социальные слои, в том числе и духовное сословие. Акции протеста имели место и в духовных школах. На первый взгляд они отличались стихийностью, выглядели как мелкие правонарушения, а требования учащихся не были четко сформулированы. Однако со временем формируется общесеминарское протестное движение, которое приобретает организованный характер, политический окрас и приводит в некоторых учебных заведениях к уголовным преступлениям, повлекшим за собой необратимые последствия для РПЦ.

История революционного движения в духовных учебных заведениях изучалась в советский период и представлена в некоторых работах Б.В. Титли-

нова [1], П.Н. Зырянова [2]. Данная проблема привлекала внимание исследователей на постсоветском пространстве, о чем свидетельствуют труды О.Д. Поповой [3], Т.А. Павленко [4]. На региональном уровне тему бунтарства в семинарской среде рассматривали Т.Г. Леонтьева [5], Р.Ю. Просветов [6], А.И. Мраморнов [7].

Цель данной статьи состоит в том, чтобы на примере Центрально-Черноземного региона показать особенности протестного движения в духовных школах в период революции 1905–1907 гг. В работе использовались материалы Государственного архива Тамбовской области, Государственного архива Воронежской области, воспоминания и дневники современников, а также данные центральной и региональной периодической печати.

В начале XX в. РПЦ переживала серьезный внутренний кризис, связанный с ее крайне зависимым положением в государстве. Архаичная синодальная система управления изжила себя и требовала однозначного реформирования – отделения церкви от государства и восстановления института патриаршества. По мнению большинства исследователей, православие воспринималось общественностью не как вера и главная конфессия империи, а как опора царского режима, что в первую очередь противоречило каноническому устройству самой церкви [8, с. 45; 9, с. 265; 10, с. 5–6].

Однако, как показала революция 1905–1907 гг., в реформировании нуждался не только

© Фурсов В.Н. Ледовских Е.А., 2019

Информация для связи с авторами: elena_ledovskikh@mail.ru

управленческий аппарат крупнейшего в России религиозного объединения, но и система духовного образования. К началу XX в. она чрезвычайно устарела и требовала серьезного пересмотра в соответствии с изменениями во внутренней политике государства и секуляризацией общественного сознания. «Старые педагогические шаблоны в новую эпоху оказались совершенно непригодными» [11, с. 475], – писал крупнейший исследователь синодального периода русской церкви И.К. Смолич. По словам современника событий, ректора Тамбовской духовной семинарии Феодора (Поздеевского), «все теперь глубоко сознают ненормальность нашей духовной школы: она не удовлетворяет своему назначению – готовить пастырей церкви – ни в количественном, ни тем более в качественном отношении...» [12].

Согласно данным всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода, на рубеже XIX–XX вв. в Российской империи насчитывалось 58 духовных семинарий, в которых обучалось 19 095 человек [13, с. 248], при этом большинство учащихся принадлежало к духовному сословию. По числу воспитанников первое место занимала Московская семинария, в которой обучалось 646 чел., Воронежская духовная семинария занимала пятое место (572 чел.), далее шла Курская (563 чел.), Тамбовская (549 чел.) и Орловская (525 чел.). Таким образом, духовные школы исследуемых губерний находились на почетном месте по числу воспитанников, обойдя Киевскую и Ярославскую епархии [13, с. 248].

Образ жизнь учащихся регламентировался Уставом духовных семинарий, который предписывал воспитанникам соблюдать правила внутреннего распорядка, принимать участие в общих молитвах, посещать богослужения, соблюдать посты, регулярно исповедоваться и причащаться. Так, в Тамбовской духовной семинарии существовали специальные инструкции поведения учащихся, которые упорядочивали все стороны жизни воспитанников, вплоть до поведения во время молитвы [14]. Соблюдение установленного порядка в значительной степени влияло на дальнейшую аттестацию и общую характеристику будущих священнослужителей. Учащиеся обязаны были строго следовать инструкциям не только в стенах семинарии, но и за ее пределами. Воспитанникам запрещалось самостоятельно покидать учебное заведение, употреблять спиртное, играть в азартные игры, посещать увеселительные учреждения «и все те места, где можно встретить подозрительного поведения личностей» [15, с. 13].

Задача светской, в лице обер-прокурора, и духовной власти заключалась в том, чтобы воспитать в семинарской молодежи благоговейное отношение к церкви и уважение к будущей «профессии» священнослужителя. В первом параграфе Устава семинарий 1884 г. говорилось: «Семинария является учебно-воспитательным заведением для приготовления юношества к служению православной Церкви» [11, с. 475].

Однако под влиянием модных во второй половине XIX в. западных философских течений дух свободомыслия начал проникать и в духовные школы. На рубеже XIX–XX вв. в семинариях появляются ученики, проявляющие религиозный

индифферентизм, а в некоторых случаях и враждебность по отношению к церкви. Так, отец Сергей Булгаков упоминал о царившем в Орловской духовной семинарии принудительном благочестии, продолжительных службах и длительных молебнах с акафистами (жанр хвалебного церковного песнопения): «Обрядовое благочестие уже не удовлетворяло, а только раздражало, мистическая его сторона все больше переставала для меня существовать» [16, с. 25].

Из воспоминаний митрополита Вениамина (Федчинкова) известно, что в Тамбовской духовной семинарии действовала подпольная революционная организация, в которой он некоторое время состоял. По мнению автора, механизм деятельности тайного общества был достаточно продуман, «первые ученики каждого класса и отделений поступали в обработку старшим членам подпольщиков. А мы, завербованные кандидаты, должны были, помимо собственного воспитания, доказать еще верность подпольщине распространением той же самой литературы среди своего класса» [17, с. 118–119]. На одном из собраний революционеров учеником пятого класса Шацким было предложено царевбийство, что и послужило скорейшему выходу будущего иерарха РПЦ из подпольной организации [17, с. 118–119]. При этом митрополит Вениамин (Федченков) отмечал, что массовым безбожием семинарская среда не отличалась: «У нас (семинаристов) не было горения духовного, это правда. Но не было и безбожия» [17, с. 121]. Воспитанник Тамбовской духовной семинарии Михаил Сперанский в своем дневнике упоминал только об одном ученике, отстаивавшем идеи материализма и атеизма. Сам автор к этому относился крайне отрицательно и с большим сокрушением писал, что очень печально слышать нечто подобное из уст семинариста четвертого курса [18].

Происходившие в духовных школах события были непосредственно связаны с господствовавшими в молодежной среде философскими идеями нигилизма, суть которых заключалась в отрицании общепринятых идеалов и ценностей. «То был дух времени, коренившийся не столько в недостатках воспитания, – писал И.К. Смолич, – сколько в преклонении перед естественными науками, характерном для России 60-х гг., и этот дух требовал слепо следовать «научной» критике религии» [11, с. 475]. Так, воспитанник Тамбовской духовной семинарии Михаил Вознесенский констатировал: «Я выше чувств ставлю разум. Что доказано эмпирически и рационалистически, то принимаю, а что нет, то не принимаю. Так как существование Бога никто еще не доказал, то, следовательно, его пока нет» [18]. В некоторых семинариях имели место случаи, когда сами преподаватели были увлечены новыми философскими идеями Ч. Дарвина, К. Маркса [11, с. 475].

Таким образом, первые протесты в духовных учебных заведениях начали возникать уже в конце XIX в. Первоначально они проявлялись в непослушании начальству, нежелании воспитанников посещать богослужения и исполнять молитвенные правила. Митрополит Вениамин (Федченков) за время обучения в Тамбовской духовной семинарии с 1897 по 1903 гг. упоминает о двух бунтах. Первый имел под собой серьезное основание и был

связан с жестоким обращением преподавателя математики В.П. Розанова. Возмущения учеников выражались в шуме и битье стекол. По словам митрополита, «в Синоде отреагировали разному, В.П. Розанов был отправлен на повышение, а участники протеста помещены в карцер» [17, с. 92–93]. «Второй бунт, – пишет иерарх, – возник без особой причины, а так уж начала разваливаться дисциплина под влиянием революционной волны» [17, с. 92–93].

9 января 1905 г. в Санкт-Петербурге произошло трагическое событие, вошедшее в историю под названием «Кровавое воскресенье». Мирная демонстрация рабочих во главе со священником Георгием Гапоном была не принята императором и расстреляна. Произошедшее событие в традиционной отечественной историографии принято считать началом Первой русской революции 1905–1907 гг. Реакцией на случившееся становятся повсеместные акции протеста рабочих, учащихся, а затем и крестьянского населения. Волнения студенческой молодежи, начавшиеся в столице и крупных городах, быстро распространились на периферию и нашли отклик в духовных учебных заведениях. В отличие от предыдущих семинарских возмущений, они были более организованы, централизованы и имели список требований. Управленческим центром выступила Владимирская духовная семинария, откуда было распространено воззвание к учащимся духовных школ с призывом о подаче общей петиции с требованием об открытии доступа семинарской молодежи в светские высшие учебные заведения [1, с. 90].

Воззвание воспитанников Владимирской семинарии и повсеместные революционные настроения захватили и провинциальную молодежь. В результате в Тамбове, Воронеже, Курске, Орле в течение всего «смутного» периода в духовных семинариях не прекращались беспорядки. Первой заволновалась Тамбовская духовная семинария, воспитанники которой 26 марта организовали забастовку со всеми особенностями прежних протестных мероприятий. Вскоре начались беспорядки в других епархиях. 20 сентября акцию протеста устроили семинаристы Воронежской епархии, свои требования они изложили в петиции, в которой на первом месте значилось отрицание внутрисеминарских порядков. Волнения достигли такого уровня, что власти пришлось немедленно закрыть учебное заведение, а большинство участников протеста было отчислено [19, л. 1]. Архиепископ Сергей (Петров) характеризовал этот период в Воронежской духовной семинарии следующим образом: «Воспитанники жили своей, особой жизнью. Они имели свою подпольную библиотеку, устраивали по ночам в частных квартирах собрания и нелегальные совещания, настроенные главным образом против семинарских порядков. Это было время какого-то странного направления семинарской жизни, выражавшегося в постоянных недоразумениях между учащими и учащимися, между воспитателями и воспитанниками, между начальством и учениками» [20, с. 528].

Со временем общесеминарская группировка значительно окрепла, развилась и с энтузиазмом продолжала свою революционную деятельность. Ее политический характер стал более выраженным, чему способствовали общие внутривнутриполитические

события в стране – в частности, принятие царского манифеста 17 октября об усовершенствовании государственного порядка.

В 1906 г. начинает свою работу семинарский союз, в состав которого вошли более двадцати духовных школ империи. На очередном съезде делегатов, состоявшемся в Москве, был принят устав союза и выработаны положения, а также определен порядок сбора денежных средств и их распределения на нужды союза. Местом центрального комитета (ЦК) была избрана Вятская духовная семинария. Известно, что на съезде присутствовал представитель из Тамбовской епархии [1, с. 107–108].

Таким образом, семинарское движение организовывалось и приобретало заметный революционный окрас, а духовная молодежь все больше увлекалась социалистическими и атеистическими идеями. О причастности учеников духовных школ к радикальным партиям свидетельствует ряд фактов. Так, воспитанником Тамбовской духовной семинарии 2 мая 1906 г. было совершено неудачное покушение на ректора Феодора (Поздеевского) [21, л. 6–7 об.]. Через год воспитанник Николай Архангельский стрелял в ректора Симеона (Холмогорова), в результате чего последний до конца жизни передвигался в инвалидной коляске [22, л. 5–6]. Учащиеся Воронежской духовной семинарии, выходцы из духовного сословия И.С. Таиров и Н.Ф. Попов, были заключены под стражу в городскую тюрьму за принадлежность к революционной организации террористов [23, л. 2, 4]. В Орловской семинарии в сентябре 1906 г. был привлечен к ответственности ученик по фамилии Синодский, за распространение прокламаций преступного содержания [1, с. 110]. А спустя два месяца ученик Николай Амфитеатров прочел своим товарищам воззвание от принадлежащих к партии социалистов-революционеров воспитанников Казанской и Владимирской семинарий [1, с. 110]. За политические преступления в 1907 г. были арестованы учащиеся Курской духовной семинарии [1, с. 117].

Тревожные сведения о причастности учащихся семинарий к революционным группировкам продолжали поступать в духовное ведомство на протяжении всего 1907 г. Светские и церковные власти не могли допустить дальнейшего развития подобного поведения в духовных учебных заведениях, так как именно они считались «кузницей» главных сторонников охранительного царского режима. В связи с этим со стороны самодержавия принимаются самые решительные меры для борьбы с революционной деятельностью в семинариях. В мае полицией было задержано несколько руководителей союза, что значительно пошатнуло боевой дух «бунтарей» и внесло серьезное замешательство в их ряды. Далее последовали массовые аресты и протестное движение в духовных школах постепенно сошло на нет.

В первой половине 1908 г. в ряде учебных заведений еще возникали отдельные вспышки недовольства, но и они вскоре прекратились. Однако агитационная работа в духовных школах продолжалась до самого конца, и вновь завербованные радикальными партиями семинаристы по возможности продолжали начатое предшественниками дело: распространяли запрещенную литературу,

привлекали в свои ряды новых членов. После раскрытия семинарской организации в исследуемом регионе политическая работа продолжалась в Воронежской, Курской, Тамбовской семинариях [1, с. 117]. При этом воспитанники последней отличались наибольшей активностью в революционном деле. Известно, что город Тамбов был выбран руководителями союза для проведения очередного съезда, однако в связи с бдительным контролем властей мероприятие провести не удалось [1, с. 116]. После окончательного прекращения волнений в духовных семинариях были введены строгие правила, регламентировавшие поведение воспитанников. Так, ученики, проживающие на частных квартирах, имели право отсутствовать дома не более трех часов в течение дня, а вечером можно было отлучаться только с разрешения инспектора [24, с. 28]. Светские и духовные власти стали больше внимания уделять не только учебному, но и воспитательному процессу в церковных школах.

Вопрос о реформировании системы духовного образования стал чрезвычайно актуальным. По словам Феодора (Поздеевского), «при теперешней обстановке и условиях нашу духовную школу исправить и утилизировать действительно для церкви Божией совершенно невозможно, — ее можно только пересоздать на совершенно ином основании, другими средствами, уничтоживши теперешнюю как таковую» [12].

Наличие в семинарской среде в конце XIX — начале XX вв. большого количества революционно настроенных лиц объясняется несколькими причинами. Одна из них, безусловно, связана с модными в среде молодого поколения западными философскими идеями, которые проникали в духовные школы, интриговали и будоражили неисклюшенные сердца воспитанников. Как вспоминал митрополит Вениамин (Федченков), «воспитанный в благочестивом консерватизме, я жаждал быть «подпольщиком». Такова сила сладости запрещенного плода, с дополнением тщеславного желания быть чем-то «особенным», не как другие, «удостоиться» [17, с. 118]. Однако главная причина возникновения и развития протестного движения в церковных учебных заведениях заключалась в другом. Согласно Уставу 1884 г., семинарии и академии стали доступны лицам всех сословий [11, с. 475], что со временем привело к увеличению в церковных учебных заведениях представителей разных социальных слоев, в том числе низших. Так, Георгий Гапон, будучи сыном крестьянина села Беляки, вспоминал о своей учебе в Полтавской духовной семинарии: «В крестьянской одежде и с мужицкими манерами, я вначале чувствовал себя там чужаком, так как все ученики были сыновьями священников, дьяконов, и смотрели на меня свысока, как на неравного» [25, с. 12].

Для выходцев из беднейших социальных групп учеба в духовном заведении была возможностью получить образование и повысить свой социальный статус. Митрополит Вениамин (Федченков), с детства мечтавший стать священником, в своих мемуарах писал: «Впереди — учение, потом — батюшкой, богатая и почетная жизнь: из-за этого стоило и грязь месить» [17, с. 83]. Георгий Гапон также упоминает, что на выбор его будущей «профессии» оказали

влияние перспективы повысить свое общественное положение и материальное благосостояние [25, с. 12].

Однако не все учащиеся духовных семинарий стремились посвятить себя церковному служению. Как отмечают современники, многие выпускники продолжали обучение в институтах и университетах, становились учителями, чиновниками, и «только 10–15 процентов шли в пастыри» [17, с. 94; 26, с. 17]. Такие ученики изначально не проявляли особого желания соблюдать существующие порядки, участвовать в многочисленных богослужениях, соблюдать длительные посты, а под влиянием общих революционных идей стали открыто заявлять о своем протесте.

Распространенным явлением в исследуемый период становится увлечение детей духовенства атеистической идеологией. Многие из «поповичей» оказывались в духовных семинариях по настоянию родителей, где продолжали развивать свои антирелигиозные взгляды и вели пропаганду. Известный общественный деятель советской эпохи К.В. Островитянов в автобиографическом труде «Думы о прошлом», размышляя о своей учебе в Тамбовской духовной семинарии, отмечал, что в течение нескольких богослужений ни разу не перекрестился. Автор упоминает о своем стремлении уехать в большой город и поступить в высшее учебное заведение [27]. Священник Сергей Булгаков, будучи сыном сельского священника Орловской губернии, из-за увлечения антиклерикальными идеями оставил духовную семинарию. «А с утратой религиозной веры, — писал он годы спустя, — образ священной царской власти с особым почитанием помазанника Божия для меня испарился и, хуже того, получил отвратительный, невыносимый привкус казенщины, лицемерия, раболепства» [16]. Сложившаяся ситуация объяснялась тем, что тесный контакт сельского духовенства с крестьянским населением способствовал развитию у детей священнослужителей обостренного чувства справедливости по отношению к угнетенному сословию. Как отмечал Сергей Булгаков: «Никогда я не был слеп и глух к страданию народному, к неравенству и обиженности» [16].

К тому же уровень жизни деревенского священника, несмотря на его принадлежность к привилегированному классу, в конце XIX — начале XX вв. оставался достаточно низким. Митрополит Евлогий (Георгиевский) вспоминал, как его отцу, сельскому священнику, приходилось унижаться перед местным кулаком, чтобы было чем оплатить учебу сыновьям: «Отец унижался, старался кулака задобрить, заискивал — и, наконец, с усилием высказывал просьбу. Кулак ломался, делал вид, что ничего не может дать, и лишь постепенно склонялся на заем, предъявляя неслыханные свои условия» [26, с. 7]. Зародившееся в детстве чувство несправедливости, окружение и пропаганда в духовных школах, а также нестабильное внутриполитическое положение в стране, толкало многих выходцев из духовного сословия на революционный путь.

Однако, по свидетельству современников, подавляющее большинство воспитанников семинарий до самого конца оставались верны церкви, и лишь незначительная их часть сознательно продолжала

состоять в различных радикальных организациях, главным образом социалистов-революционеров, и заниматься подпольной работой [17, с. 121; 28]. Сами представители революционных группировок до конца не доверяли учащимся духовных школ. Так, один из участников протестного движения выражал сомнения в том, что семинаристы способны оказать какое-либо содействие в деле революции в силу их духовного недоразвития [28, с. 58]. Известно, что после подавления волнений в духовных школах власти проводили репрессивные меры, в результате которых многие ученики были исключены из учебных заведений, при этом большинство просилось обратно, но их не принимали, как «особо злостных».

Таким образом, духовные семинарии Центрально-Черноземного региона приняли активное участие революционных событиях 1905–1907 гг. По

внешним признакам акции протеста в провинциальных духовных школах значительно не отличались от центральных епархий. Главным требованием забастовщиков было устранение строгих семинарских порядков и освобождение от обязательного участия в церковно-обрядовых мероприятиях. В целом, начавшиеся в духовных семинариях волнения не только застали врасплох церковные и светские власти, но и обнаружили ряд внутрицерковных проблем. Требования учащихся показали, что система духовного образования в Российской империи нуждалась в коренном реформировании в соответствии с современными изменениями в общественной жизни страны. Протестное движение в духовных учебных заведениях в начале XX в. стало своеобразным сигналом для светской власти о том, что она рискует потерять своего главного исторического союзника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Титлинов, Б.Н. Молодежь и революция [Текст] / Б.Н. Титлинов. – Л.: Государственное издательство, 1924. – 166 с.
2. Зырянов, П.Н. Православная Церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. [Текст] / П.Н. Зырянов. – М.: Наука, 1984. – 265 с.
3. Попова, О.Д. Воспитанники православных духовно-учебных заведений во время первой русской революции [Текст] / О.Д. Попова // Россия в XX веке. Реформы и революции. Т. 1. – М.: Наука, 2002. – С. 234–240.
4. Павленко, Т.А. Протестное движение учащихся православных семинарий в период Первой российской революции: 1905–1907 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Т.А. Павленко. – СПб., 2009. – 21 с.
5. Леонтьева, Т.Г. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX века [Текст] / Т.Г. Леонтьева // Вопросы истории. – 2001. – № 1. – С. 29–43.
6. Просветов, Р.Ю. Тамбовская духовная семинария в годы первой русской революции [Текст] / Р.Ю. Просветов // IV Питиримовские чтения 14–15 мая 1997 г. – Тамбов, 1998. – С. 85–93.
7. Мраморнов, А.И. Духовная семинария в России начала XX века: кризис и возможности его преодоления (на саратовских материалах) [Текст] / А.И. Мраморнов. – Саратов, 2007. – 436 с.
8. Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь в XX веке [Текст] / М.В. Шкаровский. – М.: Вече, Лепта, 2010. – 480 с.
9. Фирсов, С.Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России [Текст] / С.Л. Фирсов. – СПб.: Издательство РХГИ, 1996. – 662 с.
10. Георгий Митрофанов, прот. История Русской Православной Церкви 1900–1927. [Текст] / Георгий Митрофанов. – СПб.: Сатисъ, 2002. – 444 с.
11. Смолич, И.К. История Русской Церкви 1700–1917 [Текст] / И.К. Смолич. – Ч. 1. – М.: Валаамский монастырь, 1996. – 801 с.
12. Феодор (Поздеевский), архиеп. Служба Богу и России. Статьи и речи 1904–1907 годов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Feodor_Pozdeevskij/sluzhba-bogu-i-rossii/.
13. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного вероисповедания за 1901 год [Текст]. – СПб, 1905. – 337 с.
14. Инструкция для воспитанников Тамбовской духовной семинарии 1904 года [Текст] // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1905. – № 7. – С. 1–2.
15. Инструкция для воспитанников Тамбовской духовной семинарии 1904 года [Текст] // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1905. – № 10. – С. 11–18.
16. Булгаков, С.Н. Автобиографические заметки [Текст] / С.Н. Булгаков. – М., Берлин: Директ-Медиа, 2016. – 138 с.
17. Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох [Текст] / Вениамин Федченков. – М.: Отчий дом, 1994. – 448 с.
18. Дневники воспитанника Тамбовской духовной семинарии Сперанского Михаила Григорьевича (г. Тамбов, 1907) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://krotov.info/acts/20/1900/sper1907.htm>.
19. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. И-1. Оп. 1. Д. 533.
20. Сергей (Петров), архиеп. История Воронежской Епархии от ее учреждения до 1960-х гг. [Текст] / Сергей (Петров). – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2011. – 644 с.
21. Государственный архив Тамбовской области (далее – ГАТО). Ф. 66. Оп. 1. Д. 772.
22. ГАТО. Ф. 186. Оп. 113. Д. 1.
23. ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 397.

24. Феодосий (Васнев), митр. Тамбовская духовная семинария в конце XIX – начале XX веков в воспоминаниях и дневниках ее выпускников [Текст] // Тамбовские епархиальные ведомости. – 2012. – № 8 (56). – С. 26–31.
25. Записки Георгия Гапона. (Очерк рабочего движения в России 1900-х годов) [Текст]. – М., 1918. – 104 с.
26. Евлогий (Гергиевский), митр. Путь моей жизни: Воспоминания [Текст] / Евлогий (Георгиевский). – М.: Моск. рабочий, ВПМД, 1994. – 621 с.
27. Островитянов, К.В. Думы о прошлом [Текст] / К.В. Островитянов. – М.: Наука, 1967. – 313 с.
28. Манчестер, Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России [Текст] / Лори Манчестер; пер. с англ. А.Ю. Полунов. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 448 с.